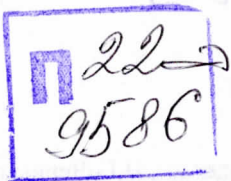

**Проблемы российской
цивилизации
и методики
преподавания истории**

**Проблемы российской цивилизации
и методики
преподавания истории**

**Межвузовский сборник научных трудов
Основан в 2003 году**

Выпуск VI

**Издательство «Наука»
2014**

СОДЕРЖАНИЕ

История России: события, факты, проблемы

<i>Удалов С.В.</i> Популяризаторы правительственного мнения.....	6
<i>Ананьев С.В.</i> . Польский вопрос в российской публицистике николаевского времени.....	25
<i>Семергей Е.Г.</i> Андрей Сергеевич Вязигин: харьковский период деятельности.....	32
<i>Кочуков С.А.</i> Балканский кризис 70-х гг. XIX в. на страницах газеты Daily News	40
<i>Чибров И.В.</i> Религиозная политика русских властей в Туркестанском крае в 60-х гг. XIX в. - начале XX в.	47
<i>Костяев Э.В.</i> Первая Мировая война и февральская революция 1917 года в России: взгляд меньшевиков на их взаимосвязь и международное значение революции.....	52
<i>Болиевская О.А.</i> К вопросу о боевой готовности вооруженных сил юга России на завершающем этапе гражданской войны.....	63
<i>Аблизин В.А.</i> Решающие минуты. СССР и Германия накануне операции «Барбаросса»	71
<i>Гуменюк А.А.</i> Основные направления социальной политики Советского государства в 1941–1945 гг.	81
<i>Гижов В.А.</i> Философская дискуссия 1947 года.....	98
<i>Александров А.А.</i> Формирование образа противника российского солдата в Первой Чеченской войне 1994-1996 гг.	101

<i>Айрапетян А.С.</i> Конституционно-правовой режим русского языка и языков народов СССР	106
<i>Митрохин В.А., Бигазилова С.С.</i> Взаимодействие власти и парламентской оппозиции: тенденции, перспективы (федеральный и региональный уровни)	126
<i>Чолахян А.В.</i> Аспекты правовой интеграции законодательства РФ в области физической культуры и спорта в мировую правовую систему.....	149

Краеведение

<i>Бичехвост Александр Федорович</i> Состояние и проблемы начального профессионального и среднего образования Саратовской области в 1985 – 1991 гг.	161
<i>Серебрякова Е.В.</i> Деятельность Саратовской конторы иностранцев: обзор историографии и источников.....	173
<i>Шрамкова О.В.</i> Некоторые аспекты городской культуры национальных меньшинств Саратова второй половины XIX- начала XX века.....	181
<i>Герман А.А.</i> Поволжский комиссариат по немецким делам.....	189
<i>Жукова А.А.</i> Борьба с пьянством в Саратове в 1920-е гг.....	205
<i>Соловьёва Т.А.</i> Деятельность государства и общественных организаций по вовлечению женщин в общественно-политическую и экономическую жизнь Саратова в 1920-е гг.....	211
<i>Чолахян В.А.</i> Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920– 930-е гг.....	219
<i>Опалев М.Н.</i> Формирование социалистических трудовых традиций Сталинградских железнодорожников в период индустриализации и коллективизации (1928-1941 гг.)	233

Теория и методика преподавания истории

<i>Великая Т.С.</i> Возможности применения проектной деятельности в современной школе.....	251
<i>Панов С.В.</i> Реализация культурологической концепции содержания исторического образования: дидактический аспект	256
<i>Ястер И.В.</i> Из истории создания первых школьных советских учебников по истории в 1930-х годах	261
<i>Семёнова А.А.</i> Поэзия Серебряного века в преподавании курса «История религии» (на примере темы «Религия Древнего Египта»)	272
<i>Попкова Н.В.</i> Особенности изучения истории в школе по результатам ЕГЭ (на материалах Саратовской области)	279

Публикации из архивов

<i>Кочуков С.А.</i> Противоречия Российской империи и Англии на Балканах в 70-80-х гг. XIX в.	285
<i>Соловьёва Т.А.</i> «Брак и остатки феодализма». Дискуссии о роли брака и семьи в советской России	296

Воспоминания

<i>Галямичев Н.А.</i> Латвийские воспоминания (Публикацию подготовили А.Н. Галямичев, А.А. Семёнова).....	302
---	-----

на данной территории, которые не увенчались успехом из-за противостояния военного министерства и МВД.

Тем не менее, политику русской администрации можно назвать последовательной и продуманной, не считая некоторых отступлений.

Э. В. Костяев

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ: ВЗГЛЯД МЕНЬШЕВИКОВ НА ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Февральская революция 1917 г., которую, по мнению меньшевистского историка Григория Аронсона, «приготовили не столько социал-демократы и социалисты-революционеры, сколько великие князья и генералитет»¹, для многих российских революционеров, находившихся тогда в эмиграции или ссылке, стала большим, приятным и совершенно неожиданным сюрпризом. В частности, секретарь Бернской секции большевиков и давний соратник Ленина Григорий Шкловский признавался впоследствии, что от России «мы были оторваны самым основательным образом» и революция «была для нас полной неожиданностью, свалилась, как снег на голову»². Вечером 2 марта 1917 г. к находившемуся тогда в ссылке в небольшом селе Усолье в 60 верстах от Иркутска лидеру социал-демократической группы «сибирских циммервальдистов» Ираклию Церетели приехал бывший депутат II Государственной думы от меньшевиков Герасим Махарадзе и попросил его немедленно направиться в Иркутск, что Церетели и сделал на следующее же утро: «Мы все жили надеждой на возрождение революционного движения,— вспоминал он уже в середине 20-х годов,— но о таком молниеносном и решительном успехе, какой имела февральская революция, даже самые большие оптимисты среди нас не мечтали. И известие об этом событии пришло именно в тот момент, когда мы менее всего его ожидали»³. На то же указывал и другой «сибирский циммервальдист» Владимир Войтинский: «Недостаточно сказать, что революция явилась для нас, в Иркутске, **неожиданностью**, — писал он в своих мемуарах. — Ибо неожиданность имеет свои степени. Ведь и в Петрограде никто не ожидал того, что принесли последние дни февраля! Но

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986. С. 66.

² Шкловский Г. Л. Владимир Ильич и февральская революция // Пролетарская революция. 1926. № 1 (48). С. 5.

³ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Paris, 1963. С. 15.

Петроград в течение месяцев жил в лихорадочном ожидании переворота. И когда загудел набат, неожиданностью для петроградцев явилось лишь то, что давно уже казавшаяся неизбежной катастрофа пришла в виде **восстания солдат и рабочих**. А далее события представлялись им стремительно возраставшей волной... Для нас, в Иркутске, не было ни этого нарастания событий, ни предшествовавшей им лихорадки ожидания — всё пришло внезапно, как громовой удар из безоблачного неба¹.

Одним из главных и, безусловно, самым острым вопросом после победы Февральской революции был вопрос о войне и мире. На его важность и в 1917 г., и позднее указывали многие политические деятели страны. Так, являвшийся до начала 1918 г. одним из лидеров трудовиков и энесов Владимир Станкевич полагал, что после победы Февральской революции вопрос о войне стал «главным вопросом русской жизни»². Столь же однозначно-категоричным было высказывание меньшевика Фёдора Дана (Гурвича) на Всероссийской конференции меньшевистских и объединённых социал-демократических организаций 8 мая 1917 г. В самом начале своего доклада Дан заявил: «Товарищи, вопрос о войне есть основной вопрос русской революции»³. Войтинский считал, что «основу всей русской революции» составляли два вопроса — о войне и аграрный. К этому он также добавлял, что к концу апреля 1917 г. «то или иное отношение к войне стало основным признаком общественных группировок в России: **за войну до конца — означало против революции; против войны — означало за революцию**»⁴. А в проекте резолюции «О мире и перемирии», представленном 5 декабря 1917 г. меньшевиком Рафаилом Абрамовичем (Рейном) на рассмотрение Чрезвычайного съезда РСДРП (объединённой), было указано, что с первого же момента Февральской революции «вопросом жизни или смерти для неё явилось скорейшее достижение демократического мира»⁵.

После долгожданного возвращения из продлившейся 37 лет эмиграции на Родину основатель российской социал-демократии Георгий Валентинович Плеханов писал в апреле 1917 г. в газете «Единство», что «во-

¹ *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Под ред. Ю. Фельштинского. М., 1999. С. 21. Отмечены здесь и будут отмечаться жирным шрифтом далее по тексту слова, выделенные авторами источников.

² *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914—1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 48.

³ *Дан Ф.* О войне и мире. (Речи). Пг., 1917. С. 3.

⁴ *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Под ред. Ю. Г. Фельштинского. Benson, 1990. С. 199, 104.

⁵ *Меньшевики в 1917 году.* В 3 т. Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона / Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Часть вторая. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря). М., 1997. С. 487.

прос о войне является теперь у нас одним из тех вопросов, которые более других привлекают к себе общественное внимание, сильнее других волнуют общественные страсти»¹.

Рассуждая о причинах Февральской революции, историк меньшевизма Юрий Денике отмечал, что развязана она была беспорядками, вспыхнувшими в Петрограде на почве голода и, прежде всего, отсутствия хлеба: «Недостаточное снабжение столицы можно признать непосредственной причиной революции, не забывая, однако, что эта непосредственная причина сама была следствием ряда более глубоких причин и факторов более общего значения,— писал он.— Тем более, что и отсутствие хлеба в Петрограде отнюдь не было случайным эпизодом, а свидетельствовало о том положении, в котором находилась тогда страна. ...А были местности, в которых был избыток и хлеба, и других продовольственных товаров... Отчасти такая неравномерность была следствием недостатков организации. Но главной причиной, которую не устранила бы и гораздо лучшая организация, был тот факт, что война поставила русский железнодорожный транспорт перед задачами, для него непосильными. ...Уже с начала войны существовало мнение, что Россия такой войны не выдержит. Не было ясно, в какой форме это выразится. Это выразилось в форме Февральской революции». После её победы Советам рабочих и солдатских депутатов и игравшим в них руководящую роль меньшевикам приходилось участвовать в попытках решения «проблем величайшей трудности», из которых на первом плане, по мнению Денике, стояла «роковая для революции проблема войны и мира»².

На связь мирового конфликта с Февральской революцией вслед за Лениным, утверждавшим, что, не случись войны, Россия могла бы «прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов»³, не раз указывали и многие меньшевики. В частности, Аронсон утверждал, что историческим фоном, на котором факторы революции получили питание и развитие, явилась именно мировая война⁴. Как всякое орудие угнетения, созданное капиталистическим строем, говорилось в написанном в апреле 1917 г. обращении Организационного комитета (ОК) РСДРП (меньшевиков) «Ко всем рабочим и работницам России», война «повернулась своим остриём против всех угнетателей», «раскрыла перед глазами самых тёмных и забитых масс во всём мире подлинную сущность капитализма, основанного на рабстве и угнетении своих и чужих народных масс», «укрепила в народах страстное желание добиваться такого строя,

¹ Плеханов Г. В. Война и мир. Пг., б. г. С. 11.

² Денике Ю. Большевики в 1917 году // Большевики. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 45—46, 42.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 31.

⁴ См.: Аронсон Г. Указ. соч. С. 173.

такого порядка, при котором войны станут невозможными»: **«Мировая война,— читаем мы в этом документе,— принесла уже с собой величайшее событие новейшей истории — российскую революцию.**

Великая русская революция, низвергнувшая самое преступное и подлое правительство Европы, давшая народам России невиданную ещё доселе свободу, выдвинувшая пролетариат России на самый ответственный и передовой пост, принесла благую весть измученным войной, жаждущим мира народам всего мира.

Если мировая война породила русскую революцию, **то русская революция призвана убить мировую войну**¹.

На Всероссийской конференции РСДРП меньшевик Андрей Гриневич заявил 11 мая 1917 г., что Февральская революция «могла одержать победу только с того момента, когда на сцену кроме пролетариата выступила широкая солдатская масса»². На то же указывал польский социалист и российский меньшевик Павел Лапинский (Левенсон), утверждавший в своём выступлении 20 октября 1917 г. в Предпарламенте при обсуждении вопроса о внешней политике, что главным источником Февральской революции было «безмерное утомление бессмысленной войной солдатских, крестьянских и рабочих масс». А в проекте резолюции по внешней политике, который 24 октября внесла фракция меньшевиков-«интернационалистов» в Предпарламенте, одним из источников революционных событий февраля 1917 г. было названо «стихийное стремление покончить с преступной и бессмысленной всемирной бойней и добиться скорейшего справедливого мира»³.

По мнению меньшевика Владимира Левицкого (Цедербаума), Февральская революция была порождена мировым конфликтом и без войны разрешение внутривнутриполитических противоречий совершилось бы в России гораздо позже и, главное, в других формах: «В другой международной обстановке,— писал он,— наша буржуазная революция не носила бы такого радикального характера, разрыв с прошлым не был бы так решителен, и самый переворот не произошёл бы так почти бескровно, как это случилось в февральско-мартовские дни 1917 г.». Не будь войны, армия не перешла бы без всякого сопротивления на сторону народа и правительство не оказалось бы настолько изолированным, чтобы сдать почти без боя все свои позиции: «Только война,— говорилось также в статье Левицкого,— это мировое безумие — оказалось благом для русской революции. Это она превратила армию в "вооружённый народ", оказавшийся вер-

¹ Большевики в 1917 году. В 3 т. Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона / Т. 1. Большевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994. С. 194.

² Там же. С. 417.

³ Там же. Т. 3. Часть вторая. С. 163, 176.

ной опорой революции и единодушно действующий рука об руку с пролетариатом и революционной демократией. Это она, обнажив всю гнусность и гнилость старого режима, сделала его ненавистным для всех классов и слоёв русского общества и обрекла его на неминуемую гибель»¹.

Февральскую революцию сделала армия, когда Петроградский гарнизон вышел из подчинения правительству, утверждал грузинский меньшевик Ной Жордания, она «вышла из факта всемирной войны» и была «военного происхождения»². Совершившаяся на наших глазах Февральская революция в России, писал в мае 1927 г. Церетели, была «результатом мировой войны»: «Мы были участниками этой революции,— говорилось в его статье «Основной вопрос нашей тактики»,— и знаем: каждое бедствие, которое приносила война, потоки крови, экономическая разруха и поражения на фронте, расшатывали самодержавие и подготавливали революцию. Почему? Потому что самодержавие было ответственно за бедствия войны»³.

Поистине всенародный характер Февральской революции всячески подчёркивался меньшевиком Петром Гарви (Бронштейном), видевшим в такой всенародности «приговор истории над самодержавием». Он считал, что эта революция «не была вызвана, а только ускорена и развязана войной, вскрывшей перед всеми внутреннюю гниль пережившего себя царизма». Не «дворцовый переворот сверху, а народная революция снизу решила судьбу русского народа»: «Царизм споткнулся не об аксельбанты царедворцев, а о корку чёрного хлеба,— образно выражался Гарви.— Временные затруднения с подвозом продовольствия толкнули в конце февраля 1917 г. рабочие массы Петербурга на улицу»⁴.

Мировая война с самого возникновения своего была войной не народной, утверждал Дан в своём выступлении 20 октября 1917 г. в ходе обсуждения в Предпарламенте вопроса о внешней политике: «В этой войне имущие классы народными руками и народной кровью решали свои споры,— говорил также он.— И в особенности эта война была не народной в России, так как имущие классы России не могли привести в оправдание войны даже те империалистические мотивы, которые существуют в господствующих классах других стран. Наше участие в войне было преступлением царизма, искавшего себе спасение от надвигавшейся революции, и имущих классов, выкинувших лозунг "Великой России" не потому, что это вызывалось потребностями капиталистического развития, а в целях от-

¹ *Левицкий В.* Русская революция и будущее Европы // Дело. 1917. № 3—6. С. 97.

² *Жордания Н.* Моя жизнь. Пер. с груз. Инны Жордания. Stanford, 1968. С. 73; *Его же.* Большевик. Berlin, 1922. С. 29.

³ Цит. по: International Institute of Social History (далее — IISH), фонд П. Б. Аксельрода, переписка, № 20.

⁴ *Гарви П.* Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига, 1928. С. 4—5.

влечения внимания демократии от вопросов внутренней политики. На этом пути они также искали спасение от революции, пытаясь разрешить внутренние вопросы путём участия России в международной свалке». Понятно поэтому, указывал Дан, что «наша революция для широких народных масс и для армии была революцией против войны за скорейшее достижение мира» и «господствующие классы обнаружили полное непонимание психологии народных масс, понимая эту революцию как революцию за лучшее ведение войны»¹.

На то, что Февральская революция «произошла в значительной степени на почве военных неудач и неспособности для государства выдерживать дальше тяготы войны», указывал также меньшевик Михаил Либер (Гольдман) в своём докладе на Чрезвычайном съезде РСДРП (объединённой) 30 ноября 1917 г. Не впереди всей Европы, а позади неё оказалась в данном случае Россия: «В такой войне, как нынешняя,— говорил он,— потерпеть поражение должна была страна наиболее отсталая, наименее культурная и развитая экономически». Именно этот факт поражения России «и выразился в революции 27 февраля»: «Не потому у нас в России революция произошла ранее, чем в других странах, что мы ушли далеко вперёд по сравнению с ними, что мы могли указывать им дорогу,— подчёркивал Либер,— а потому, что Россия, как более отсталая страна, имела меньше сил для войны, а в то же время на неё пали чуть ли не главные тяготы войны. Понятно, что Россия истощилась первой, что и вызвало Февральскую революцию.

Революция явилась не в результате развития производительных сил, не вмещающихся уже в старой государственно-правовой оболочке и разрывающих её, а в результате глубокой деградации всех сил страны. И это проявление деградации было принято за проявление силы, дало возможность представлять Россию революционным авангардом, дало возможность думать, что русская революция открывает совершенно новую страницу мировой истории». Либер также считал, что громадная роль в Февральской революции принадлежала армии и победоносной эта революция оказалась именно благодаря её присоединению. Но армия, тут же замечал он, сыграла такую роль не потому, что была сознательно революционна, а по причине смертельного утомления и нежелания воевать: «Её участие в революции является выражением этой усталости, а не воли к действию, к революционному творчеству, созданию новых государственных и общественных отношений»².

Один из признанных лидеров российского меньшевизма Александр Потресов в статье «Роковые противоречия русской революции»,

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Часть вторая. С. 157.

² Там же. С. 376—377.

опубликованной 3 июня 1917 г. в № 3—6 социал-демократического журнала «Дело», называл Февральскую революцию «петербургскими событиями, совершившими, точно в волшебной сказке, чудо превращения полуазиатской деспотии в едва ли не самую свободную демократию мира». Великая российская революция с такой поразительной лёгкостью «сдунула, точно карточный домик, весь, казалось, такой гранитно-устойчивый многоветвистый аппарат старой власти» потому, что он «оказался изъеденным до самой глубины сердцевины, и эта власть — не отвечающей более в общественном сознании самым минимальным и наипростейшим из требований, которые предъявляются ко всякой государственной власти: «К моменту переворота,— отмечал он,— царизм не нашёл поддержки ни в одном классе, ни в одном сколько-нибудь значительном слое страны. Он очутился абсолютно изолированным, по необходимости покинутым даже теми элементами общественности, для которых старый режим был истинным рогом никогда не оскудевавшего изобилия и для которых последствия переворота, во всяком случае, не сулили каких-либо заманчивых перспектив». К февралю 1917 г. старый порядок представлял из себя «сплошной анахронизм, нелепейший пережиток крепостнического средневековья, вкрапленный в совершенно чуждый ему мир развитых капиталистических отношений», и приказал долго жить, «катастрофически рухнул, как только мировая война, поставив его перед величайшим испытанием истории, заставила его провалиться на экзамене национальной самозащиты»: «Кто вдумывался в картину развёртывавшихся за последние три года событий,— писал далее Потресов,— для того было ясно давно, что движущей силой расшатки старых устоев являлся вопрос национально-государственной самозащиты. Не будь этого вопроса, падение царизма было бы ещё, возможно, отсрочено на неопределённо долгое время, и только вопросом о национальных судьбах России, только этой силой была сломлена инертность общества, и с момента начала движения 1915 г., с мобилизации торгово-промышленной буржуазии в особенности, стала впервые ощущаться реальная близость ликвидации старого порядка»¹.

От Мясоедова и Сухомлинова до Штюрмера, Распутина, императрицы Александры Фёдоровны и самого Николая II — по этим вехам и именам, считал Потресов, «тянулась нить обвинений, слагаясь в единый клубок, вырастая в смертный приговор всей системе царизма в её целом»: «Царизму нет дела до интересов государственного целого, до задач элементарной защиты страны,— говорилось в указанной статье.— Он преследует исключительно свои сепаратные цели и ради достижения этих целей способен на предательство, на тягчайшее преступление государственной измены». И когда сознание этой истины стало всенародным достоянием,

¹ Потресов А. Н. Посметный сборник произведений. Париж, 1937. С. 230, 233.

когда «всевозможными, воистину неисповедимыми путями в виде тысячеустной многомиллионной молвы оно проникло в толщу не только городского населения, но и жителей самых заброшенных сёл и деревень, тогда песня старой власти была окончательно спета, тогда твердыня её вчерашнего насилия в самый короткий промежуток времени превратилась в постройку на песце, и достаточно было внешнего повода, случайного толчка, чтобы она рухнула, не способная оказать хотя бы малейшее сопротивление»¹.

Особенно же богатыми на наглядные конкретные примеры того, как лихорадочно шёл процесс разрушения прежнего порядка и как скоропостижно умирала многовековая традиция, были, по мнению Потресова, самые последние месяцы, предшествовавшие Февральской революции: «Ноябрьская сессия Государственной думы, речь Милюкова, съезды в Москве, заявления объединённого дворянства, протестующие голоса священников, великокняжеский заговор, убийство Распутина и, наконец, бесконечные разговоры о готовящемся и почему-то не могущем осуществиться военном перевороте, которого все ждут,— вот быстро мелькающие этапы на пути к давно ощущаемой развязке, вот явственные симптомы конца и в то же время... очевидные признаки того состояния умов и духа страны, которое подготовило этот конец и которое не может быть иначе определено, как словом "всенародное движение"». Именно всенародное, ибо «в орбиту отрицания пережитков прошлого, в водоворот шмящей национальной тревоги вовлечены были все классы и группы страны, начиная от самых умеренных и консервативных, и эта-то всенародность движения и создала ту феерическую лёгкость, с которой совершились в Петербурге события в исторические дни февраля...»: «Поднявшийся рабочий Петербург,— замечал Потресов,— с чрезвычайной быстротой нашёл себе верного союзника в армии, и оба они смогли тотчас же встретить готовый кристаллизационный центр в Таврическом дворце, в 4-й Государственной думе. Из санкции этого цензового представительства и импровизированных в виде Советов рабочей и солдатской организаций вышла новая власть. И эту власть никто не посмел оспаривать. Признание этой власти, наоборот, прокатилось гигантской волной по России, превращая переворот в один сплошной торжественный праздник, парад...»².

Реагируя на события конца февраля 1917 г., член Центрального Комитета социал-демократической группы «Единство» Любовь Гириш-Аксельрод отмечала, что в лице «поистине великой революции 1917 года» российская история совершила «скачок из царства необходимости в царство свободы», ибо накопившиеся противоречия между «полицейским

¹ Потресов А. Н. Указ. соч. С. 233.

² Потресов А. Н. Избранное. М., 2002. С. 185.

государственным строем и насущными задачами общественной действительности разрешились полным падением сословно-бюрократического порядка»: «Лопнула старая правовая оболочка и рухнула деспотическая, восточная власть, как рушится ветхое, подгнившее здание. На её место родилась свобода, юная и прекрасная, озарившая ослепительным, животворящим светом многострадальную, измученную под игом царской власти Россию. И она же, новорожденная русская свобода, является единственным солнечным лучом на кровавом фоне мировой жизни последнего трёхлетия»¹.

Для Левицкого «февральско-мартовская революция 1917 г.» была одной из величайших революций, какие знал когда-либо мир: «Буржуазно-демократическая по всему своему объективному содержанию, по своему захвату и глубине политических и социальных преобразований, которые она с собой несёт, она может выдержать сравнение с великой французской революцией конца XVIII века». И, не вдаваясь в подробный анализ, можно было, по его мнению, заранее предвидеть, что её международное значение будет «неизмеримо велико». Говоря об её влиянии на Европу, Левицкий отнюдь не имел в виду проповедовавшуюся Лениным «гражданскую войну» во всём мире и не предполагал, что революция в России «зажжёт пожар» всемирной социалистической революции: «Как ни сильно влияние революции в одной стране на другие страны,— писал он,— как ни велико значение международных отношений для внутренней жизни того или иного государства, но, с точки зрения марксизма, не может подлежать никакому сомнению, что революция в одной стране может лишь **ускорить** внутренние процессы, совершающиеся в другой стране, но не в состоянии **заменить** эти процессы». А тот, кто утверждал, что тогдашняя Европа стояла на пороге «социалистического царства будущего», обязан был доказать, что развитие экономических и социальных отношений главнейших стран Европы объективно подошло уже к той заветной грани, которая отделяла «царство капиталистической необходимости от царства социалистической свободы»².

И в данном случае меньшевики, «привыкшие реалистически относиться к фактам действительности и не принимать собственных желаний за объективно происходящие процессы», не имели, на взгляд Левицкого, никаких оснований для чрезмерного оптимизма, ибо, вопреки уверениям германских «социал-империалистов» типа Генриха Кунова и российских «интернационалистов» типа Юрия Ларина (Михаила Лурье), не усматривали объективных предпосылок социалистического строя в «во-

¹ *Ортодокс. Революция и догматизм // Дело. 1917. № 3—6. С. 17. «Ортодокс» — литературный псевдоним Л. Гирш-Аксельрод.*

² *Левицкий В. Русская революция и будущее Европы // Там же. С. 94—95.*

енно-государственном социализме» Германии и тех мерах ограничения государством частной собственности, которые под давлением военной необходимости были проведены в различных государствах Европы: «Трёхлетняя мировая война,— отмечал Левицкий,— разрушительное действие которой на развитие производительных сил всего цивилизованного мира так красочно рисуют... циммервальдисты всех толков, не приблизила Европу к социализму. Она, напротив, отбрасывает её экономическое развитие на несколько десятилетий назад, а научные социалисты ведь никогда не строили своих надежд на отсталости производительных сил. Они никогда не мыслили себе социализма, как "равенства в нищете"; надёжную гарантию успеха борьбы за социалистический идеал они видели в развитии производительных сил буржуазного общества. На этом марксизм твёрдо стоял до мировой войны и, не изменяя себе, должен будет стоять и после неё»¹.

Но если нельзя было питать никаких иллюзий насчёт социального переворота, как результата буржуазно-демократической революции в России, то тем больше оснований находилось. В частности, российская революция делала «неминуемой демократизацию политического строя Германии, давно поставленную на очередь дня её политическим развитием, но задержавшуюся до сих пор благодаря упорному сопротивлению её империалистических и юнкерских кругов». Совершится ли эта демократизация до или после окончания войны, произойдёт ли она путём коренной ломки старого прусско-имперского режима в результате народной революции, или путём реформ сверху под влиянием военного поражения, или из сознания необходимости идти навстречу требованиям народных масс, но она, утверждал Левицкий, была совершенно неизбежна как результат мировой войны и Февральской революции в России, а раздававшиеся тогда в рейхстаге со стороны буржуазно-демократических партий требования введения парламентаризма и демократических реформ являлись в этом отношении весьма показательными².

Не выдержит испытания российской революции, был убеждён Левицкий, и политический строй полуфеодальной Венгрии, который и так трещал тогда по всем швам, да ещё и реформа избирательного права в парламент, за которую с таким упорством годами боролся венгерский пролетариат, уже стучалась в двери дуалистической монархии. В свою очередь, избирательные реформы в Венгрии и Пруссии не могли не остаться без влияния на судьбы Австрии: «Укрепление австрийского парламентаризма,— читаем мы в его статье,— упразднённого во время войны, и расширение национальной автономии различных народов, населяющих

¹ Левицкий В. Русская революция и будущее Европы // Дело. 1917. № 3—6. С. 95.

² См.: Там же. С. 95—96.

Австро-Венгрию, становятся совершенно неизбежными как в результате войны, обнаружившей силу центробежных стремлений внутри дуалистической монархии, так и русской революции, провозгласившей право наций на самоопределение. Эти проблемы должны найти положительное разрешение, иначе Австро-Венгрии угрожает полный распад и полная потеря всякой роли в мировом концерте». А созыв тогда впервые за всё время войны австрийского рейхсрата, в котором резче, чем когда-либо, зазвучали требования чехов, поляков, «юго-славян» и представителей других наций, давал, с точки зрения Левицкого, очевидный ответ на вопрос, в каком направлении окажет влияние на Австро-Венгрию российская революция¹.

Не менее великим, считал он, будет и её влияние на судьбы балканских народов. Так, в Румынии тогда в спешном порядке проводилась избирательная реформа на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования. Одновременно румынское правительство приступило к широкой социально-земельной реформе с наделением крестьян землёй: «Эта реформа,— писал Левицкий,— пробивающая широкую брешь в твердыне реакционного румынского аграрного строя, находится в самой непосредственной связи с русской революцией. Румынским крестьянам, одетым в солдатские шинели, пришлось на фронте жить и воевать вместе с русскими крестьянами. И когда пробил час русской революции и старые чаяния русского крестьянства о земле внезапно получили под собой почву, настроение нашей крестьянской армии не могло не передаваться и румынским солдатам-крестьянам. Перед этим фактом не могло устоять и консервативно-аграрное правительство Румынии». Падение романовской монархии должно было усилить и республиканские стремления на Балканах: «Свержение греческого короля при помощи французских и английских войск,— полагал автор статьи,— укрепит демократическое и республиканское движение в Греции; вслед за греческим Константином легко может наступить черёд и для болгарского Фердинанда»².

Влияние Февральской революции, предполагал Левицкий, не ограничится перечисленными странами, поскольку её отголоски давали себя знать даже в Англии. А лучшими доказательствами тому служили, в частности, заявление английского правительства, ранее упорно сопротив-

¹ См.: *Левицкий В.* Русская революция и будущее Европы // Дело. 1917. № 3—6. С. 96.

² Там же. С. 96—97. Король Греции Константин I из династии Глюксбургов, служивший ранее в прусской армии и являвшийся с 1913 г. одновременно германским генерал-фельдмаршалом, из-за своих германофильских симпатий был вынужден в июне 1917 г. оставить престол и покинуть страну. Вторично являлся королём Греции в 1920—1922 гг. А болгарский царь Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский, в 1915 г. вовлекший Болгарию в мировую войну, а в 1916 г. также ставший германским генерал-фельдмаршалом, после поражения в войне в 1918 г. в обстановке революционного подъёма отрёкся от престола и уехал в Германию.

лявшегося предоставлению избирательного права женщинам, о своём намерении покончить наконец-то свою борьбу с женским движением, а также «движение воды в застрявшем на точке замерзания ирландском вопросе»¹.

Таким образом, Февральская революция 1917 г. в России, являвшаяся, на взгляд меньшевиков, естественным и неизбежным следствием Первой мировой войны, оказала огромное влияние на демократизацию политического строя таких европейских государств, как Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Болгария, Греция и даже Великобритания.

*
О.А.Болиевская

К ВОПРОСУ О БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Завершающий этап гражданской войны, когда во главе добровольческих сил находился барон П.Н.Врангель, вызывает особенный интерес в исторической науке. Но, не смотря на большое количество публикаций, остаются дискуссионными многие моменты данного исторического периода. Возможна ли была победа добровольческих сил или армия была обречена на провал; обладал ли Врангель военный талантом предводителя или был обычным ротмистром, который даже в случае удачи не смог привести белогвардейцев к победе². Дискуссионные вопросы возможны вследствие сложной общественно-политической и экономической ситуации в период отступления ВСЮР под ударами красной армии и дальнейшего сопротивления Русской армии в Крыму и Северной Таврии.

Целью нашей работы, является попытка анализа экономической, политической ситуации на территории Крымского полуострова накануне смены главкомов и обстановки в рядах ВСЮР для понимания сложности задачи противостояния большевистским силам.

К весне 1920 г. ситуация в Вооруженных силах Юга России обострилась до предельной точки. После поражения в начале ноября под Орлом и Кромами армия больше не смогла противостоять большевикам. Главнокомандующий Антон Иванович Деникин делал отчаянные попытки остановить наступление противника, но контролировать ситуацию он уже не мог, и в середине марта произошла «новороссийская катастрофа».

В данной ситуации 18 марта 1920 г. всем главнокомандующим Вооруженных сил Юга России была отправлена телеграмма, в которой

¹ *Левицкий В.* Русская революция и будущее Европы. С. 97.

² Широкоград А.Б. Упущенный шанс Врангеля. Крым. Бизерта. Галлиполи. М., 2009.